

Уходя, врач строго-настрого велел Лань Цзэ соблюдать постельный режим и полный покой после операции, однако Лань Цзэ был вовсе не из тех, кто привык следовать медицинским предписаниям. Мало того что он и не думал отдыхать, так еще и исподтишка подговорил Нин Яня пойти с ним ночью потренироваться с копьем.

Нин Янь выпал в осадок от такого заявления и, оглядевшись по сторонам, чтобы убедиться в отсутствии свидетелей, шепотом спросил: — Какая еще тренировка с копьем?

Выражение лица Лань Цзэ было предельно мрачным и серьезным: — Отомстить за капитана.

— А ты знаешь, кто его убил?

— Сто процентов, это Колей.

Нин Янь хоть и терпеть не мог Колея, но совсем не верил, что у того хватит ума и силенок прикончить Мороса, в конце концов, у Колея была лишь грубая сила и ни капли мозгов.

Во второй половине дня вернулась Бэй Бэй. Увидев дома незнакомого прекрасного юношу, она замерла на пороге и долго стояла неподвижно, широко выкатив свои круглые глазенки.

Нин Янь прекрасно знал, что маленьким детям свойственна жуткая собственническая ревность к родителям. И хотя разница в возрасте между Бэй Бэй и Лань Цзэ была весьма заметной, это вовсе не мешало Нин Яню опасаться, что они могут и подраться.

Как-то раз Нин Янь забирал Бэй Бэй из школы и от нечего делать возле ворот начал заигрывать с каким-то мальчишкой. Бэй Бэй это увидела и пришла в такую ярость, что с криком бросилась на пацана с кулаками.

У Лань Цзэ, конечно, не было столь детской и бурной ревности, но однажды, когда они с Моросом поспорили на спор, Морос пошутил, мол, они собираются расстаться, и он оставит Лань Цзэ Нин Яню, а сам заведёт себе нового, миленького ученика.

В тот же вечер Лань Цзэ чуть не утопил Нин Яня и Мороса в собственных слезах.

И вот теперь, глядя на остолбеневшую у входа Бэй Бэй и спускающегося со второго этажа с чашкой кофе Лань Цзэ, Нин Янь наблюдал, как они обмениваются взглядами, и в его душе тут же зазвенели тревожные звоночки.

Он уже собирался подскочить и позвонить Юй Чэнбаю, чтобы тот срочно возвращался домой...

— Брат!

Под ошарашенные взгляды Нин Яня и прислуги Бэй Бэй швырнула на пол портфель, стремглав бросилась вперед и, словно порхающая бабочка, повисла на ноге у Лань Цзэ, задрав голову и ласково пролепетав: — Брат!

Лань Цзэ опешил и, опустив взгляд на незнакомую девчушку, какое-то время просто не знал, как реагировать.

Нин Янь быстрым шагом бросился к ним, смертельно боясь, что в Лань Цзэ сейчас разыграет его ослиное упрямство и он с легкостью отшвырнет Бэй Бэй прочь.

Он прекрасно помнил, как в те времена, когда он только подобрал этого волчонка, тот терпеть не мог чужих прикосновений — стоило Нин Яню протянуть руку, как Лань Цзэ чуть не отбросил его на добрые полкилометра.

— Привет, я Лань Цзэ.

Поспешные шаги Нин Яня оборвались, и он в крайнем изумлении уставился на то, как Лань Цзэ бережно пожимает маленькую ручку Бэй Бэй. Лань Цзэ круглый год имел дело исключительно с наемными убийцами и совершенно не обладал навыками нормального общения. Его лицо было настолько холодным, будто он вел смертельную торговую сделку за столом переговоров, однако движение руки выдавало, что в этот момент он настроен крайне дружелюбно — пожалуй, даже на редкость дружелюбно.

Бэйбэй всё еще обнимала ногу Лань Цзэ. Обернувшись, она радостно и восторженно обратилась к остолбеневшему Нин Яню:

— Мама, ты правда родила мне старшего брата? Ты просто невероятная! Ты самая лучшая мама на свете! Мне очень нравится братик, которого ты мне родила, он такой красивый!

Нин Янь:

— ...Сокровище, это твой дядя.

Бэйбэй, одурманенная радостью, полностью потеряла рассудок и слух. Обнимая ногу Лань Цзэ, она без конца кричала «братик», жужжа над ухом, словно муха или комар.

Как ни странно, Лань Цзэ вовсе не находил ее шумной. Поколебавшись мгновение, он непривычной для рук, державших лишь пистолеты да ножи, неловкой и осторожной хваткой подхватил Бэйбэй и прижал к груди.

— Старшая сестра, — Лань Цзэ нерешительно оглянулся на Нин Янь, явно спрашивая, что ему делать дальше.

Бэйбэй тоже посмотрела на Нин Янь, испытывая невиданную доселе радость:

— Мама, а где папа? Папа еще не вернулся? Он знает, что ты родила мне братика?

Нин Янь прикрыла лоб рукой и со сложным выражением лица посмотрела на обоих детей, пробормотав:

— Не шумите... дайте мне прийти в себя, я сейчас немного в полном тупике...

А Янь держалась ничуть не лучше нее. В ее голове крутилась лишь одна мысль: неужели госпоже Бэйбэй уже шесть лет, а она до сих пор не понимает, что госпожа не могла родить такого большого ребенка? Неужели она так помешалась на желании иметь старшего брата?

Кажется, раньше она и вправду завидовала другим детям в школе, у которых были братья, но... но разве можно принимать всё это настолько быстро?

К тому же, это же младший брат госпожи!

Называть его братиком по субординации как-то неправильно!

Когда Юй Чэнбай вернулся, Бэйбэй сидела на коленях у Лань Цзэ и с трепетной заботой разглядывала его ногу в гипсе. Подобно маленькому ангелочку, она без устали расспрашивала, как он получил травму, болит ли ему и не нужно ли подуть на рану.

Лицо Лань Цзэ по-прежнему хранило привычную отстраненность и холодность, однако голос звучал на редкость мягко:

— По неосторожности поранился, не болит.

— Бэйбэй, — Юй Чэнбай снял верхнюю одежду, передал ее служанке и направился в их сторону. Нагнувшись, он с улыбкой поманил ее рукой: — Иди сюда, уже поздно, тебе пора спать.

Юй Чэнбай воспитал Бэйбэй очень послушной, причем это послушание, в отличие от напускной покорности Лань Цзэ, шло изнутри — как осознанный выбор свободной личности.

Она не стала устраивать истерик и отказываться ложиться спать, послушно попрощалась с Лань Цзэ и договорилась увидеться завтра утром. Затем он подошёл и поцеловал Нин Яня, а напоследок направился к горничной, стоявшей возле Юй Чэнбая, и поднялся вместе с ней наверх, чтобы умыться и переодеться.

Нин Янь тоже повернулся к Лань Цзэ и произнёс:

— А-Цзэ, ты тоже ложись пораньше. Я помню, что ты боишься грозы, попроси А-Я включить тебе музыку, ночью могут быть раскаты.

Лань Цзэ с холодным выражением лица посмотрел на приближающегося Юй Чэнбая, а тот в ответ слегка улыбнулся ему.

Ничего не ответив, Лань Цзэ при поддержке А-Я поднялся с места и отправился отдыхать.

Нин Янь тоже встал, и когда Юй Чэнбай подошёл, чтобы взять его за руку, они вдвое разминулись.

Сделав вид, будто ничего не заметил, Нин Янь непринуждённо спросил:

— Куда ты ездил после обеда? Почему вернулся так поздно?

Юй Чэнбай выглядел так, будто внезапно на всё махнул рукой; он уже не так легко ранился, как раньше, и, не сумев взять мужа за руку, совсем не расстроился.

Он шагал следом за Нин Янем на небольшом расстоянии и с улыбкой ответил на вопрос, который явно был задан лишь для того, чтобы отвлечь внимание:

— Накопилось много дел в компании, задержался. Извини, завтра вернусь пораньше.

Это звучало точь-в-точь как сладкие речи женатого мужчины, заночевавшего где-то в гуще ночных развлечений.

Нин Янь прекрасно понимал: когда мужа ссылаются на дела компании, это значит, что они отправляются заниматься тем, в чём не могут признаться половинке. Часть такой работы действительно требует секретности, а другая — это грязные радости и плотские утехы на стороне.

Юй Чэнбай не был похож ни на первый, ни на второй вариант, и Нин Янь на девяносто процентов был уверен, что тот провел вечер в отделении полиции, улаживая дела.

В конце концов, в банке произошла перестрелка, погибло несколько человек, а единственный выживший, получивший пулевое ранение, был доставлен его женой в их поместье.

И раз уж за весь день в полицейском участке никто не объявился с расспросами, значит, сам Юй Чэнбай ездил туда на допрос.

И всё же, как уже говорилось, Юй Чэнбай — невероятный, редкостный добродетель.

Если бы этот добродетель проявил ещё капельку милосердия и не делил с ним одну спальню, Нин Янь был бы просто вне себя от счастья.

— Свет выключить? — мягко спросил Юй Чэнбай, только что вышедший из ванной после умывания.

Нин Янь лежал на постели спиной к нему и мучительно размышлял.

Если выключить свет, придётся опасаться, как бы Юй Чэнбай не полез в темноте со своими нежностями. Если же не выключать, станет страшно встретиться взглядом с его глубокими, преданными глазами — при такой атмосфере искра легко может перерасти в бушующее пламя.

Поколебавшись мгновение, Нин Янь вздохнул:

— Выключай.

Если Юй Чэнбай полезет к нему, он снова вырубит этого парня. А заодно потеря сознания отлично поможет незаметно спуститься в подвал и смыть макияж.

Он жутко боялся, что из-за столь долгого ношения эта целебная мазь впитается насквозь и он навсегда останется с таким лицом, потеряв свою белизну.

К тому же, подошло время принимать лекарство, меняющее голос.

— Вэй-вэй?

В наступившей темноте Нин Янь, бездумно застывший на самом краю кровати, почувствовал, как Юй Чэнбай постепенно подбирается ближе.

Его рука, спрятанная под одеялом, воинственно зашевелилась.

Если бы не тот факт, что Юй Чэнбай — старший брат Юй Ли, Нин Янь прошлой ночью наверняка не ограничился бы простым ударом по голове. Он бы точно отправил его воссоединяться с матушкой.

— Юй Чэнбай, пока тебя не было дома, я частенько заходил в твой кабинет почитать книги, — Нин Янь почувствовал, как его постепенно обнимают со спины, и изо всех сил постарался не сопротивляться и не пускать в ход кулаки. — У вас в роду есть отличная старинная мудрость: благородный муж зарождает чувства, но останавливается на предел...

Он не успел договорить: глаза Нин Яня резко расширились, а тело мгновенно окостенело, превратившись в ледяную статую.

Юй Чэнбай не просто что-то к нему чувствовал — это ощущение оказалось донельзя прямолинейным.

Нин Янь отпрянул вперёд так бешено, словно поясницу обожгло раскалённым железом. Ему показалось, что он кого-то убьёт!

— Вэй-вэй. — Юй Чэнбай не предпринимал никаких дальнейших попыток, лишь крепко прижимал его к себе, положив подбородок ему на плечо. Из его груди вырвался полный скрытой тоски и горького терпения вздох, прозвучавший у самого уха совсем тихо и влажно: — Помоги мне, пожалуйста?

— ...

Нет. Сегодня даже если этот гад — родной брат самой Юй Ли, он всё равно обязан умереть от моей руки.

<http://bllate.org/book/22316/2336753>